

*П.С. Кабытов, В.А. Тюрин****ЛИЧНЫЕ ДОКУМЕНТЫ САМАРСКОГО ГУБЕРНАТОРА А.Д. СВЕРБЕЕВА****

В статье анализируется комплекс личных документов А.Д. Свербеева, на основе которых дается развернутая характеристика его личности, представлены новые биографические данные. Дневники и мемуары самарского губернатора содержат богатейший материал как по истории Российской империи, так и по истории административного и социально-экономического развития Самарской губернии конца XIX в.

Ключевые слова: история России II половины XIX в., российские императоры, дворянство, губернатор, биография, Свербеевы, Самарская губерния.

Личность талантливого российского чиновника, самарского губернатора, сенатора Александра Дмитриевича Свербеева (1835–1917 гг.) до сих пор не получила исчерпывающего изучения в российской историографии. Парадоксально, но факт – доступный для историков огромный массив личных документов А.Д. Свербеева, практически до сих пор не введен в научный оборот. Личные документы представлены разными типами источников: дневниками, мемуарами, научными очерками, личными письмами. Привычка вести ежедневный и многолетний диалог с тетрадью дневника стала впоследствии основой для создания нескольких мемуаров, тем самым А.Д. Свербеев продолжил семейную традицию. Его личные документы генетически связаны с «Записками» главы семейства Д.Н. Свербеева, которые были впервые изданы в 2014 г. [10].

Фонд личных документов А.Д. Свербеева в Российском государственном архиве литературы и искусств (РГАЛИ) невелик, он насчитывает всего 34 дела, но их объем превышает 2500 листов. Самые ранние документы этого фонда относятся к периоду учебы Свербеева в Московском императорском университете. Среди этого комплекса мы находим выписки из исторических источников, переводы и даже подробный конспект лекций по Древней истории Т.Н. Грановского (на 230 листах). В эту группу входит несколько первых научных работ студента Свербеева: «Нашествие татар на Русскую землю», «О пользе истории», «Тацит», «Христианство и варвары». Как видим, он уделял огромное внимание изучению истории, что позволяло губернатору и государственному деятелю А.Д. Свербееву впоследствии использовать эти знания для общения с многонациональным населением вверенной ему императором губернии [7. Д. 80, 110–113].

Поистине ценнейшим источником являются тетради дневника А.Д. Свербеева – «Мои записки», которые автор вел ежедневно с 1877 по 1898 г., в том

числе во время всех своих многочисленных поездок. В них представлен громадный резервуар сведений и впечатлений. Всего в фонде отложились 22 тетради дневников, общим объемом 2071 (!) стандартных канцелярских листов, исписанных 28–30 строками мелкого почерка (в среднем 1200–1300 знаков на странице). По приблизительным оценкам, объем неопубликованных, большей частью не изученных, дневниковых записей может превышать 120 а. л. Дополнительной сложностью являются трудности прочтения и перевода в электронный формат непростого, мелкого почерка А.Д. Свербеева, зачастую искаженного походными условиями или усталостью автора.

Дневники А.Д. Свербеева заполнены впечатлениями о прошедшем дне. Он неустанно вел дневниковые записи почти каждый вечер, на протяжении многих лет: на почтовых станциях, постоянных дворах и в богатых купеческих квартирах. Так, он сообщает, что остановился на ночлег «на грязной почтовой станции... пишу эти строки, пока не позовут поужинать, а затем и заснуть до 4 утра» [8. Л. 26]. Эта запись явно диссонирует с другими впечатлениями: «успел закутить свежей икрой у гостеприимного хозяина и в 6 часов отправился далеко в путь» [8. Л. 17 об.]. Судя по всему, для автора дневника уважительных причин не вести ежедневные записи практически не существовало. Ведение дневника для Свербеева, очевидно, было элементом самодисциплины, способом привести в порядок собственные мысли, систематизировать впечатления дня: «...часу в 9-м вернулся я домой, и после целого дня, посвященного делам и приемам, едва пишу эти строки, а должно еще ехать в Благородное Собрание [8, Л. 28].

На страницах дневника зафиксированы многочисленные встречи, портретные характеристики и интересные мысли собеседников, даются оценки и различные комментарии. Впечатляет описание тягот и трудностей, которые он преодолевал во время командировок: «...повезли нас одну станцию на

* © Кабытов П.С., Тюрин В.А., 2017

Кабытов Петр Серафимович (don.kabytov2012@yandex.ru), Тюрин Вадим Александрович (vad.im@inbox.ru), кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

** Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №16-11-63002.

санях и ввергли в колдобину... где и просидел всю ночь в санях, ожидая подмоги...» [8. Л. 26 об.]. В дневнике, не предназначенном для публикации, губернатор очень часто осуждал сложившиеся в России порядки: «...сама раба себя бьет, только и можно сказать про Россию» [8. Л. 37]. Губернатор весьма критически оценивает деятельность начальствующих лиц: «...сообщил как Губернскому Предводителю, так и Председателю Губернской Управы... Оба плохи умом, а господин Предводитель еще и мнит о себе много, на что не имеет никакого права, как по глупости, так и по бестактности...» [8. Л. 32].

Дневниковые записи на закате жизни Александр Дмитриевич использовал при создании серии мемуаров, так и не изданных, но сохранившихся в РГАЛИ: «Мои воспоминания» (192 л.), «Встречи и знакомства» (123 л.), «Русская провинция в конце XIX в. На берегах Волги» (33 л.) – общим объемом 348 л. [7, Д. 103–105]. Особый интерес представляют мемуары «Встречи и знакомства» А.Д. Свербеева. В них запечатлены самые яркие эпизоды его биографии – встречи с монаршими особами, выдающимися государственными и общественными деятелями. Автор подробно воссоздает все эпизоды неоднократного личного общения с императорами Александром II, Александром III, Николаем II, императрицами Марией Александровной, Марией Федоровной, Александрой Федоровной, государем-наследником Николаем Александровичем, великой княгиней Еленой Павловной и многими европейскими монархами и государственными деятелями.

В той или иной степени дневники и мемуары запечатлели черты личности А.Д. Свербеева. Огромное влияние на воспитание Александра Дмитриевича, родившегося в Москве 25.03.1835, оказала его принадлежность к известному дворянскому роду, входившему в высший слой российского дворянства. Отец, Дмитрий Николаевич Свербеев (1799–1874 гг.), дипломат в отставке, литературный критик, автор мемуаров о пушкинском времени, яркий представитель прогрессивных московских интеллектуальных кругов середины XIX в. Мать, Елена Александровна (в девичестве княгиня Щербатова), являлась душой и хозяйкой семейного литературного салона. Ею восхищались Е.А. Баратынский, П.Я. Чаадаев, Н.В. Гоголь. Дом Свербеевых был открыт всему новому и передовому. Каждую пятницу в нем собиралось просвещенное, либерально настроенное общество. Друзьями семьи являлись В.А. Жуковский, И.А. Крылов, К.С. и И.С. Аксаковы, С.Г. Волконская, Н.И. Тургенев, Н.М. Языков и еще десятки передовых общественных деятелей, многих из которых А.Д. Свербеев будет упоминать на страницах дневников. Дом Свербеевых был одним из центров «возрождения» общественно-политического движения в Москве 1840-х гг. Таким образом, становление личности и мировоззрения Александра Дмитриевича происходило в передовом либеральном окружении, фактически в эпицентре острейших дискуссий между «западниками» и «славянофилами» [4, с. 26]. Отзвуки этих либеральных идей, искреннее уважение к базовым ценностям «свободы, равенства, братства», гуманизм и жажда справедливости – все это ха-

рактеризует А.Д. Свербеева, который в зрелые годы, находясь на традиционно «консервативно-охранительном» губернаторском посту, был обязан защищать устои имперской России. Тем не менее современники очень часто называли Свербеева «просвещенный консерватор».

Изучение неопубликованных мемуаров «Встречи и знакомства» дает возможность восстановить этапы биографии, которые ранее в литературе упоминались неточно, нередко искажались. Карьера Александра Дмитриевича была весьма успешной благодаря обширным связям семьи и его личным способностям. В 1856 г. А.Д. Свербеев окончил Московский университет, где слушал курсы лекций Т.Н. Грановского, С.М. Соловьева. Службу он начал в 1856 г. в ведомстве МВД, чиновником рижского генерал-губернатора князя А.А. Суворова. Затем, с 1862 по 1867 г., Свербеев служил в русской императорской миссии в Вюртенбургском королевстве, живя в Штутгарте с женой В.Ф. фон Менгден, детьми Дмитрием и Зинаидой. Все это время семья Свербеевых проводила в европейском светском комфорте, бывая на приемах правящих династий, общаясь с иностранной и русской знатью, посещавшей европейские курорты. Именно тогда Свербеев обрел дружбу с И.С. Тургеневым, жившим тогда в Баден-Бадене, но знакомым еще по Москве. Материальных затруднений Свербеевы не испытывали никогда, они владели имениями в Московской, Тульской, Орловской и Тверской губерниях. В 1864 г. Свербееву было пожаловано Александром II звание камер-юнкера Высочайшего двора. Однако в плавном и великосветском течении жизни Свербеева произошел резкий разворот. В 1865 г. Александр Дмитриевич выехал в Петербург в связи с болезнью сестры и для аттестации в Министерстве иностранных дел на должность дипломата. Но неожиданно для близких он решил остаться в России, мотивируя это тем, что: «...во мне пробудилось страстное желание остаться в России и посвятить мою дальнейшую жизнь служению моему отечеству» [7. Д. 104. Л. 72]. Зимой 1866–67 гг. Свербеев провел в Петербурге, претендуя на должность вице-губернатора. К нему весьма благосклонно отнесся министр внутренних дел П.А. Валуев, с которым он был знаком еще по Прибалтике. Свообразную практику Свербеев прошел в 1867–68 гг., находясь в распоряжении тверского губернатора, что позволило ему ознакомиться с работой губернского аппарата.

Но были и другие мотивы, которые повлияли на выбор вектора его государственной службы. Судя по всему, желание оставить дипломатическую службу было обусловлено семейной трагедией. Летом 1867 г. у Свербеева произошел разрыв с женой Верой Федоровной фон Менгден, которая, оставив мужа и детей, ушла к сотруднику русской императорской миссии в Вюртенбурге Д.Е. Шевичу, в дальнейшем русскому послу в Японии, Португалии, Испании. А.Д. Свербеев стойчески переживал измену жены, но вынужден был передать детей на воспитание своим сестрам. В последующие годы он жил один, официально оформив развод с женой только

в 1887 г. Уладив заграничные и, насколько это было возможно, семейные дела, в 1868 г. Свербеев занял должность костромского вице-губернатора. В 1869 г. он получил чин статского, а в 1871 г. — действительного статского советника. В 1878—1891 гг. находился на посту самарского губернатора [7. Д. 104. Л. 80].

Судя по дневникам и воспоминаниям, Александр Дмитриевич проявлял искреннюю любовь и почитание к родителям. Необычайно сильные родственные чувства не ослабевали у него на протяжении всей жизни. Кроме родителей, Свербеев поддерживал близкие отношения и состоял в переписке с четырьмя братьями и пятью сестрами. *«Вера в бессмертие наших близких, в силу их любви... особенно дорога в такие минуты, когда совершается перемена в судьбе человека, и я благодарю Бога, что во имя такой веры и с таким упованием я мог помолиться у гроба моего брата и столь горячо любимого моего отца»* [8. Л. 4]. Его любовь к членам семьи нельзя объяснить иначе, чем счастливыми годами детства и юности, проведенными в окружении близких родственников и той теплой «атмосферой» знаменитого московского дома Свербеевых.

Несомненно, наиболее почитаемым для Свербеева являлся его отец, Дмитрий Николаевич, который был для него образцом «передового» человека середины XIX в. Об отце он пишет: *«Молитва и его благословение со мной непрестанно»* [8. Л. 4 об.]. В чувствах Свербеева к отцу мы видим сыновью любовь и восхищение, гордость, он являлся для него нравственным и интеллектуальным эталоном. *«Пятая годовщина кончины отца, я смог тихо помолиться в Соборе... и еще раз вспомнить его заботы о Самаре перед смертью»* [8. Л. 31 об.]. Автор имеет в виду самарский голод 1873 г., имевший большой российский резонанс. Призыв к российскому обществу оказать помощь населению Самарской губернии тогда был брошен Л.Н. Толстым и другими общественными лидерами, среди которых отчетливо звучал голос Д.Н. Свербеева.

Реконструируя портрет самарского губернатора Свербеева, нельзя не отметить его глубокую веру в Бога, что также являлось семейной чертой. На страницах дневника мы видим частое обращение к Богу. Искренняя вера Александра Дмитриевича требовала частого участия в богослужении, даже тогда, когда осуществить это было физически сложно: *«...успел я еще помолиться за заутренней в прекрасном храме... и в 6 часов отправиться далеко в путь»* [8. Л. 17об.]. В апреле 1879 г. он узнал о смерти московского святителя Иннокентия, близкого друга семьи Свербеевых, это известие потрясло автора дневника: *«...молитвою соединился я с моим семейством, которое все теперь собирается у гроба незабвенного для нас архипастыря...»* [7. Д. 83, Л. 1].

Свербеев был большим знатоком и почитателем атрибутов православия — церковной архитектуры, иконописи и церковного пения. Знакомство губернатора с каждым населенным пунктом предусматривало обязательный осмотр и посещение соборов, церквей, монастырей. А.Д. Свербеев в ходе командировок обязательно знакомился со святыми и подвижниками Самарской земли. Прежде

всего нового губернатора впечатлили своей древней благодатью Иргизские монастыри и святыни: *«...одна инокиня громко произнесла мне напутственное пожелание, верно за подробный осмотр и похвалу иконописи»* [8. Л. 29 об.]. Почитание и превосходное знание церковного искусства всегда были яркой чертой его личности. Об этом свидетельствуют детали описания самарской приемной губернатора: *«...стояли миниатюрные иконки каких-то угодников божьих»* [5, с. 41]. Вот как описывает в воспоминаниях губернатор свою встречу со старцем-старообрядцем: *«...я подошел полюбоваться с ним на три им же пожертвованные иконы, древнего если не письма, то облика (копии)»* [8. Л. 38].

Напомним также и о том, что в конце 1880-х именно самарский губернатор сумел оценить святость и талант иконописца Григория Журавлева. Он немало сил и личных средств вложил в развитие его мастерства. Григорий Николаевич Журавлев родился в 1858 г. в с. Утевка Бузулукского уезда Самарской губернии; будучи увечным с рождения, был не способен ходить и держать что-либо руками. Тем не менее этот «божий человек» рано обрел страсть к иконописи и научился делать копии с образов местной сельской церкви, держа кисть зубами. В конце 1880-х он был замечен А.Д. Свербеевым во время губернаторских ревизионных поездок. Губернатор взял на себя затраты на обучение талантливого мастера, специально возил его знакомить с фресками московских соборов. Вернувшись из Москвы с иконами прекрасного письма, Г. Журавлев начал делать их копии, и через несколько лет напряженного труда имя его обрело российскую известность. В 1891 г. А.Д. Свербеев пригласил иконописца на торжественную встречу наследника престола Николая Александровича в Самарской губернии, где цесаревич милостиво пожаловал 100 руб. калеке, а взамен художник подарил будущему императору икону [7, Д. 104. Л. 20].

Почитание прекрасного было характерной чертой А.Д. Свербеева. В губернаторском доме регулярно устраивались музыкальные вечера и литературные чтения, а его хозяин ценил русскую литературу: *«...начал я читать новую повесть Достоевского "Братья Карамазовы". Она много обещает интереса и отличается той же теплотой чувства и изумительной тонкости анализа человеческого сердца, которыми так богато одарен ее автор»* [8. Л. 37].

Безусловно, в центре внимания дневника А.Д. Свербеева находятся события, связанные с его губернаторской административной практикой. Эта деятельность была интенсивна и весьма насыщена, т. к. в управленческих реалиях императорской России конца XIX в. должность губернатора замыкала на себя основные управленческие сферы региона [6, с. 29]. Кроме того, в 1870—80-е Самарская губерния вступила в период стремительного экономического и инфраструктурного роста. Самара стала важным волжским торгово-промышленным и транспортным центром. В губернии увеличивалось городское население, открывались современные фабрики, магазины, склады и пристани, появились водопровод, несколько электростанций, десятки паровых мельниц и т. д. [3, с. 230].

Назначение А.Д. Свербеева в Самару на должность губернатора последовало 23 октября 1878 г. Примечательны первые его дневниковые впечатления о Самаре, датированные январем 1879 г.: «...объехал некоторые городские кварталы, дивился громадности губернского города и полному беспорядку построек, несмотря на пожары, лепящихся друг около друга. Все это каменные и деревянные авоси, ждущие нового пожара... Как тут не подивиться русскому Богу, творящему чудеса над беспечным людом, всегда рассчитывающим на эти чудеса» [8. Л. 7 об.]. Все последующие годы на посту губернатора Свербеев боролся с теснотой построек и неустроенностью городского пространства. В 1882 г. он отменил постановление городской думы с планом излишне тесной, в пожарном отношении небезопасной застройки торговыми лавками Троицкой площади [2]. В 1889 г. он указал городским властям на частое несоблюдение обязательного постановления о запрете деревянной пристройки к каменным домам. Он обратил внимание гласных городской думы на необходимость обеспечить город водой и высказался за увеличение ночных караулов [1]. В конечном счете именно настойчивость губернатора позволила кардинально сократить пожарную опасность в губернской Самаре путем постройки долгожданного городского водопровода. Проект строительства водопровода обсуждался властями Самары с конца 1850-х годов, и только содействие Свербеева в получении городом разрешения на облигационный заем в 400 тыс. руб. помогло завершить его строительство в 1887 г.

Конечно, у Свербеева, недоумение вызвали ветхость деревянных зданий и удручающий внешний облик города. Московский дворянин А.Д. Свербеев, многие годы живший в Европе, не мог не зафиксировать в дневнике свои первые впечатления о губернном городе: «...эскортируемый как всегда тьмою темъ полицейских всяких чинов и званий проехал вдоль берега Волги по непроходимым грязям, взобрался в город по канavam и рывинам, занимающим улицу. Самара раскинулась широко, богатеющая... [но] без мостовых, хотя уже и железный путь дошел до нея» [7. Д. 83].

Для А.Д. Свербеева всегда были важны вопросы санитарного и медицинского обеспечения местного населения. В дневниковых записях находим многочисленные предложения и мероприятия, направленные против распространения эпидемий. Здесь же даны впечатления губернатора о несоблюдении гигиены и чистоты как обывателями, так и чиновниками: «...дома, после бумаг, принимал я губернскую канцелярию и губернское правление. Такие же забитые, усталые лица, как в Костроме, один из советников Десницкий показался мне толковым, а врач-инспектор возбудил мое сочувствие требованием очистки города, подобного Авгиевым столпам. Хорошо бы найти на них Геркулеса, не помогут ли нам астраханские болезни, страха ради которых постараюсь двинуть русское купечество (здесь и далее выделено авторами статьи — П.К., В.Т.) отказаться от предков унаследованной вони и грязи» [8. Л. 7 об.].

Приезд Свербеева в Самару совпал с эпидемией астраханской чумы, в 1878–79 гг. всколыхнув-

шей всю Россию. Чума, печально знаменитая по средневековым хроникам, но основательно подзабытая в России, вызвала настоящий ужас среди всех слоев российского населения, а власть откликнулась на нее решительными действиями. Борьба с эпидемией была поручена герою Русско-турецкой войны 1877–78 гг. М.Т. Лорис-Меликову, назначенному временным астраханским, саратовским и самарским генерал-губернатором. В дневнике самарского губернатора подробно описана поездка в Царицын, где под руководством генерал-губернатора разрабатывались меры по борьбе с эпидемией. На страницах дневника воссоздан портрет выдающегося государственного деятеля Лорис-Меликова. Автор дневника особо подчеркивает такие его черты, как энергичность, работоспособность, склонность к систематизации, требовательность и волевое осуществление решений: «...генерал-губернатор показался мне толковым, энергичным человеком... решившимся во имя ее бороться с грязью и запущением русских городов» [8. Л. 18].

Из личных бесед с генерал-губернатором Свербеев узнал немало интереснейших подробностей назначения Лорис-Меликова на ответственный пост. Император Александр II, принимая Лорис-Меликова в своем кабинете для напутствия, зачитал письмо отца, Николая I, адресованное Дибичу в ходе Русско-турецкой войны 1828 г., с мерами против чумы, начинавшейся в Турции. Далее Свербеев пишет: «...при прощании поцеловав графа, он [император] взял его руку и сказал: “Помни же, Лорис, ты и я, мы отвечаем перед Россией”» [8. Л. 40]. Министр финансов, напутствуя генерала, просил только одного: «...тратить в 10 раз больше, чем предполагает Лорис-Меликов, честность и скромность коего известны», а председатель Комитета министров П.А. Валуев, анекдотично, «во избежание худых последствий от заражения рыбной пищей», предложил обратиться к Синоду с просьбой разрешить на Великий пост мясную пищу [8. Л. 26]. Все эти эпизоды ярко иллюстрируют страх российской власти перед масштабным распространением заболевания. В условиях распространения эпидемии А.Д. Свербеев в январе 1879 г. предложил городским управам губернии немедленно составить и передать на рассмотрение полиции обязательные постановления по санитарному делу. Он также распорядился: «...немедленно принять меры к очищению городских площадей, улиц и других публичных мест в городах» [11. Оп. 199. Д. 24. Л. 4 об.].

Личные документы А.Д. Свербеева и его деловая переписка показывают хорошее знание им крестьянского мира. Отметим, что самарский губернатор неоднократно писал об опасности расслоения крестьянства Среднего Поволжья. В 1889 г. в губернаторском отчете указывается, что поток переселенцев в губернию слишком велик, и это приводит к недостатку скота и инвентаря. По его мнению, данный факт мог сказаться в голодные годы, следовательно, «стихийное переселение желательного ограничить» [9]. Он предлагал меры по поддержанию и развитию крестьянского хозяйства в губернии.

Одну из значительных бед крестьянской жизни Александр Дмитриевич видел в необразованности, юридической неграмотности, пассивности русского крестьянства. Все это приводило к появлению в крестьянской среде «мироедов», к самоуправству мелких уездных чинов и выборных старшин. «На каждой станции ожидали волостные старшины, большей частью неграмотные и руководимые писарями...» [8. Л. 16].

Описывая уездную жизнь губернии, А.Д. Свербеев не проходит мимо проблем многонационального крестьянства. Им представлена яркая картина посещений киргизских кочевий, говорится об их бедности и «первобытности» образа жизни. Совсем иную картину он увидел в селениях украинских переселенцев: «...взошли в чистую, опрятную избу малороссийскую, все селение населено хохлами... черномазые, красивые... лица хохлов приветливо на вас смотрят, на всех лежит отпечаток зажиточности и довольства» [8. Л. 26 об.].

И конечно, его не могли не удивить немецкие колонии южных уездов губернии, которые «вызвались» своим уровнем культуры и общим порядком над остальными этносами региона. «Опять пошли мелькать волостные правления и немецкие колонии и опять резко бросалась в глаза разница их управления и состояния... я осмотрел прекрасную Лютеранскую церковь и послушал в ней орган» [8. Л. 17 об.], «снова в Германии [на самом деле в Новоузенском у.] у гостеприимных немцев... славный, честный, хотя и небольшой дом, мебель в чехлах, 2 рояля, а чистота и опрятность самые завидные...» [8. Л. 27 об.].

В Екатерининштадте (Николаевский уезд) А.Д. Свербеев осмотрел памятник императрице Екатерине II, вокруг которого был разбит сад. Но это яркое впечатление затем сменилось таким грустным рассуждением: «...не того хотела эта великая женщина, ставшая Русскою совершенно. Не такого особенчества от Русских, не такого узкого себялюбия в Колониях» [8. Л. 29]. Иными словами, при несомненном успехе развития немецких колоний к числу существенных недостатков он отнес их слабую интеграцию в губернское социокультурное пространство, подчеркивая и тот факт, что поволжские немцы все еще живут в своем замкнутом пространстве и пренебрегают изучением русского языка.

Выполняя обязанности губернатора, Свербеев не мог не увидеть вопиющие недостатки системы местного управления. К их числу, как и большинство просвещенных современников, губернатор относил волокиту и низкую эффективность работы аппарата коронной администрации, по этому поводу в дневнике появилась такая фраза: «Больница рядом с кожевенными заводами, о сносе коих идет переписка. И тут канцелярская крыса помешала полному гигиеническому устройству» [8. Л. 31 об.]. Возможно, традиционная русская лень и нежелание принимать ответственность на себя и были причиной низкой эффективности работы имперской администрации: «Позднее собрались у меня земские, дворянские и полицейские власти... все люди

мирные и добрые, но делами заниматься не любят, а большие охотники до комиссий и обсуждений» [8. Л. 31 об.]. Более того, некоторые пороки российской бюрократии Свербеев считал заразными: «Что же делать, если служба на Руси в нашей администрации развивает фразу и пустословие. Дай Бог мне от них уберечься ...» [8. Л. 20 об.].

Таким образом, личные документы позволяют довольно подробно реконструировать образ А.Д. Свербеева. В первую очередь стоит отметить высочайший уровень его воспитания, образования и моральных устоев. Атмосфера родительского дома, одного из московских центров либеральных идей середины XIX в., воспитала в нем гуманизм, уважение к чужому мнению, представление о ценности общественного служения. На губернаторском посту он был невольным проводником охранительного курса, но на страницах личных документов мы видим умеренно либеральные воззрения.

Дневник А.Д. Свербеева является ценнейшим и до сих пор абсолютно невостребованным историческим источником, в котором честно и без прикрас зафиксированы каждодневные дела высокопоставленного имперского чиновника. При этом личный характер документа позволяет автору отмечать не только события, происходившие на службе, но и выражать собственные мнения о событиях внешней и внутренней политики государства, размышлять о событиях, происходивших в губернии, о светской жизни, литературе, музыке и т. д. Личные документы позволяют убедиться в высоких административных способностях самарского губернатора, его ответственности и работоспособности, значительно ускоривших социально-экономическое развитие Самарской губернии в конце XIX в.

Библиографический список

1. Журнал заседаний Самарской городской думы. 1879. 19 июня.
2. Журнал заседаний городской думы. 1882. 29 января.
3. История Самары (1586–1917 гг.): монография. Самара, 2015.
4. Кабытов П.С., Тюрин В.А. Самарский губернатор А.Д. Свербеев // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 3.1. С. 26–32.
5. Красноперов И.М. Воспоминания земского статистика (1872–1902). М., 2008.
6. Мякотин А.А. Губернаторская власть в годы правления А.Д. Свербеева: обзор архивных источников // Самарский земский сборник. 2016. № 1(26). С. 25–31.
7. Российский государственный архив литературы и искусств (РГАЛИ) Ф. 472. Оп. 1.
8. РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 82.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Научно-справочная библиотека (НСБ). Всеподданнейший отчет Самарского губернатора за 1889 г.
10. Свербеев Д.Н. Мои записки. М.: Наука, 2014.
11. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 3.

References

1. *Zhurnal zasedanii Samarskoi gorodskoi dumy* [Minute books of the Samara City Council], 1879, June, 19 [in Russian].
2. *Zhurnal zasedanii Samarskoi gorodskoi dumy* [Minute books of the Samara City Council], 1882, January, 29 [in Russian].
3. *Istoriia Samary (1586–1917 gg.): monografiia* [History of Samara (1586–1917): monograph]. Samara, 2015 [in Russian].
4. Kabytov P.S., Tyurin V.A. *Samarskii gubernator A.D. Sverbeev* [Samara Governor A.D. Sverbeev]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2016, no. 3.1, pp. 26–32 [in Russian].
5. Krasnoperov I.M. *Vospominaniia zemskogo statistika (1872–1902)* [Memories of Zemstvo statistician (1872–1902)]. M., 2008 [in Russian].
6. Myakotin A.A. *Gubernatorskaia vlast' v gody pravleniia A.D. Sverbeeva: obzor arkhivnykh istochnikov* [Governor's authority during the years of government of A.D. Sverbeev: the survey of archival sources]. *Samarskii zemskii sbornik*, 2016, no. 1(26), pp. 25–31 [in Russian].
7. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstv (RGALI)* [Russian State Archive of Literature and Arts] (RGALI). F. 472. Op. 1 [in Russian].
8. RGALI. F. 472. Op. 1. D. 82.
9. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). Nauchno-spravochnaia biblioteka (NSB). Vsepoddanneishii otchet Samarskogo gubernatora za 1889 g.* [Russian State Historical Archive (RGIA). Research and Reference Library (NSB). Most humble report of the Samara Governor in 1889] [in Russian].
10. Sverbeev D.N. *Moi zapiski* [My notes]. M.: Nauka, 2014 [in Russian].
11. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti (TsGASO)* [Central State Archive of the Samara Region]. F. 3 [in Russian].

*P.S. Kabytov, V.A. Tyurin**

PERSONAL DOCUMENTS OF THE SAMARA GOVERNOR A.D. SVERBEEV**

The article analyzes the complex of personal documents of A.D. Sverbeev, on the basis of which a detailed description of his personality is given, new biographical data are presented. The diaries and memoirs of the Samara governor contain the richest material both in the history of the Russian Empire and in the history of the administrative and socio-economic development of the Samara province of the late 19th century.

Key words: history of Russia of the second half of the XIX century, Russian emperors, nobility, governor, biography, the Sverbeevs, Samara province.

Статья поступила в редакцию 20/IX/2017.
The article received 20/IX/2017.

* *Kabytov Peter Serafimovich* (don.kabytov2012@yandex.ru), *Tyurin Vadim Alexandrovich* (vad.im@inbox.ru), Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

** The publication was prepared within the framework of a research project supported by the RFBR № 16-11-63002.